

**ШУКШИН.
ПРИЗНАНИЕ
В ЛЮБВИ:
РАССКАЗЫ,
СТИХОТВОРЕНИЯ,
ОЧЕРКИ:
КНИГА-АЛЬБОМ**

Сост. — Д. В. Марьин,
фото А. П. Волобуев.

Барнаул, 2019
352 с.

В Алтайском крае стало уже хорошей традицией к очередному юбилею Василия Шукшина радовать поклонников его творчества интересным издательским проектом. 90-летие писателя не стало исключением. В свет вышел сборник произведений Шукшина, иллюстративной основой которого стали фотографии известного барнаульского фотохудожника Александра Волобуева. Идея этого издания принадлежит экс-губернатору Алтайского края Александру Карлину, а ее воплощением занимался целый авторский коллектив. Фотографии предоставлены Александром Волобуевым. Работа редактора-составителя досталась автору настоящей статьи. Не скажу, что все было легко. Ведь фотограф не делал специально иллюстрации к произведениям Шукшина! Только 2 фото (к рассказам «Охота жить» и «Дядя Ермолай») были подписаны соответствующим образом и, очевидно, с самого начала и задумывались автором как иллюстрации к конкретным шукшинским произведениям. А остальные пришлось подбирать к более чем 100 рассказам алтайского писателя, к его очеркам, стихотворениям. Директор Всероссийского мемориального музея-заповедника В. М. Шукшина в Сростках Лидия Чуднова провела огромную работу по согласованию вариантов размещения с самими героями фотографий — настоящими сrostинцами. Одно дело, скажем, когда твое лицо попало на фото, сопровождающее рассказ «Стёпкина любовь», «Танцующий Шива» или даже «Чудик». А если рассказ называется «Крепкий мужик»? Или «Вечно недовольный Яковлев»? А то и.. «Бессовестные»? Тут нужны крепкие нервы! Земляки Шукшина оказались мудры. Когда-то они, кстати, прошли через похожее испытание: ведь Василий Макарович часто использовал их настоящие фамилии в своих произведениях. Ну а после уже двух выставок А. Волобуева они стали понимать, что теперь их фотоизображения — не столько они сами, сколько настоящие художественные образы, принадлежащие уже не их биографии, а Искусству! Известный книжный дизайнер, председатель Алтайской краевой организации Союза дизайнеров России Юлия Раменская сделала оригинальное оформление книги-альбома, бережно сохранив при этом элементы стилистики девятитомного собрания сочинений В. М. Шукшина. Но и это еще не все. Вполне в духе цифровой эпохи органичной частью книги-альбома является электронный оптический диск с аудиозаписью произведений, вошедших в сборник, в исполнении актеров Алтайского краевого театра драмы имени В. М. Шукшина — отдельная непростая, долгая работа коллектива чтецов, звукорежиссеров, технических сотрудников. Курировала проект команда Министерства культуры Алтайского края и отдела литературных и издательских проектов АКУНБ имени В. Я. Шишкова.

Теперь несколько слов о самой книге. С одной стороны, перед нами сборник избранных произведений Василия Шукшина. Сборник — вид книжного издания, привычный для самого Шукшина: ведь при жизни писатель, увы, так и не увидел собрания своих сочинений. Шукшинское литературное творчество находило благодарных читателей посредством газетных, журнальных публикаций и как раз сборников произведений. Формат сборника позволял Шукшину компоновать рассказы по тематике, настроению, художественным принципам. В итоге каждый из пяти прижизненных сборников рассказов писателя стал значимым событием в литературном мире, вызвал большой интерес у читателей и критиков. Выход из печати в год юбилея Василия Макаровича сборника его избранных произведений — это не только дань сложившейся традиции издания шукшинских текстов, но и хороший подарок современному читателю, который позволяет достаточно полно представить литературно-художественное творчество Шукшина, его жанровое разнообразие, яркие особенности языка и поэтики.

В книгу вошли 35 произведений: рассказы, очерки, стихотворения. Это — ранний Шукшин. Ранний, с его реалистическим, иногда доходящим до этнографизма, стремлением запечатлеть образы земляков, их язык и даже топологию родного Алтая. И поздний, модернистский и даже постмодернистский Шукшин, с его тенденцией к условности, большей литературности, интертекстуальности. Здесь есть рассказы, ставшие визитной карточкой писателя, вошедшие в школьные учебники, не раз экранизированные или ставшие основой театральных постановок («Далекие зимние вечера», «Из детских лет Ивана Попова», «Дядя Ермолай», «Стёпкина любовь», «Чудик», «Охота жить» и др.). А есть произведения, которые при жизни Шукшина в сборники не попали, увидев свет лишь на страницах региональной периодики (рассказ «Дояр»), а некоторые не публиковались совсем (стихотворения, очерки «Село родное», «Вот моя деревня» и др.) и широкому читателю до сих пор мало известны.

С другой стороны, перед нами альбом, вместивший более шестидесяти фотографий известного барнаульского фотохудожника Александра Волобуева и посвященный селу Сростки. Подчеркну еще раз: перед нами отнюдь не фотоиллюстрации к произведениям Шукшина! Это оригинальные живые впечатления фотохудожника от Сросток, от встреч с жителями села, его природой, традициями. Многие из них образами, мотивами, ассоциациями соотносятся, как нам показалось, с шукшинскими произведениями, вошедшими в настоящее издание.

Фотографии, вошедшие в сборник, — экспонаты сразу двух персональных фотовыставок Александра Волобуева. Первая — «Портрет села на фоне Пикета» с народным конкурсом-опросом для определения лучших фото — состоялась в Сростках в декабре 2016 специально для жителей села. По итогам этой выставки с учетом результатов голосования земляков Шукшина были окончательно отобраны 60 работ для основной выставки — «Кислород Пикета. Сростки — навсегда». Она прошла летом 2017 года в Сростках в рамках фестиваля «Шукшинские дни на Алтае». Затем выставка посетила Барнаул, Рубцовск, Красногорский район Алтайского края. Как однажды сказал фотограф, ему было интересно найти среди односельчан писателя, если не живых героев Шукшина, то, как минимум, те светлые души, те характерные черты, которые так поражали нас в рассказах великого земляка. Это и Алеша Бесконвойный, и Дядя Ермолай, и Гена Пройдисвет... Кто сейчас «хозяин бани и огорода» и как теперь проходят в Сростках «беседы при ясной луне»? Результаты этих поисков — более 200 фотографий, сначала отнесенных до экспозиции фотовыставки, а затем, уже совсем по золотой крупинке, в качестве визуального материала в новый сборник.

Художник слова Шукшин и художник света Волобуев в настоящем сборнике конгениальны друг другу. Это дает удивительный синергетический эффект, по-новому позволяющий увидеть художественный мир Шукшина. Может быть, та самая «ясность поднебесная» Сросток, о которой пишет Василий Макарович в очерке «Признание в любви» («Слово о малой родине»), воплотилась и в светописии Александра Волобуева? В любом случае редактор-составитель уверен, что, взяв эту книгу в руки, читатель откроет для себя новые смысловые грани литературного творчества В. Шукшина и в полной мере оценит художественный дар А. Волобуева.

Рекомендую книгу-альбом всем поклонникам творчества В.М. Шукшина, да и вообще всем настоящим библиофилам. Это — новый опыт издания произведений писателя, тем более таким скромным тиражом. Хочется надеяться, что книга будет распространяться в нескольких точках продажи, чтобы все, кто хотел, смогли вовремя приобрести ее.

Дмитрий Марьин

Михаил Бетехтин

**В МОИ СОРОК
СОРОКОВ**

Барнаул,
2018

Стихи Михаила Бетехтина похожи на страницы песенника. Иногда он сам исполняет их под гитару. Жестокий романс и тексты самодеятельных исполнителей оказали губительное влияние на его музу. Человек талантливый, с хорошим слухом, мастеровитый стихотворец и лирик по складу души, он наполняет стихи затертыми и бесцветными образами, которые спасает только голос, струнный пербор и непритязательная, благодарная аудитория.

*И всё, что было, пережить —
Не хватит сил, души не хватит.
Не повторись. Не взвороши
Мою зализанную память.*

.....

*Куда нас выведет кривая?
Что нам нелёгкая пошлёт?
Никто не знает наперёд.*

.....

*Ведь за снежной канителью,
За дорожной кутерьмой
Мы в одних ветрах вертелись,
По одной прошли кривой...*

.....
И память вся в узлах, и вся душа в затычках...
.....

*Пораженье. Победа. Ничья
В давней сваре — за время под Солнцем.
Всё вернётся на круги своя
И на новые круги прорвётся...*

Судьбина, дороженька, года, месяцы, километры, тяготы, старт и финиш — это меню шофера-дальнобойщика мало чем отличается от репертуара группы «Лесоповал», если разуместь философию и идеологию, а не интерьеры. Как человек мужественный, взрослый, Михаил редко говорит о себе, не любит открывать душу. Из его стихов практически невозможно узнать детали биографии автора. Это вызывает уважение и симпатию. Вместо того мы получаем есенинские вздохи, а также вагон и маленькую тележку абстрактных рассуждений, силлогизмов, сентенций. Он, как чеховский Алёхин или даже герой «Дамы с собачкой», мог бы рассказать многое, и рассказать интересно, но одергивает себя, повинуясь кодексу мужества, и предпочитает разглядывать циферблат, рассуждать о секундной стрелке, о погоде, зиме, осени или весне и пользоваться освященными литературной традицией, повторенными миллион раз метафорами и аллегориями.

*Как же смог я так отстать,
Как же сбился я с маршрута?
Укорочен мой разбег.
Не догнать мне этот поезд.*

.....
*Где, блуждая по ложной лыжне
Да по злым ковылям ковыляя,
Мы вдруг станем друг другу нужней,
Друг от друга следы заметая...*

Лирический герой нередко определяет себя негативно, через отрицание: «Но не был подлецом и негодяем» (см. «Не расстреливал несчастных по темницам», С. Есенин), но тщетно искать рассказа о том, кем он все-таки был. А ведь был! Воевал, жил в 1990-е, много видел — но время никак не отразилось в стихах. Они могли быть написаны и в 1930-е, и в 1960-е, благо Бетехтин в совершенстве владеет классическими формами и не склонен к экспериментам. Разумеется, это личное дело автора, за конспирацию — респект. Но читать книгу иносказаний на языке Визбора и Юры Шатунова — увольте! До чего однообразны опубликованные в книге стихи, идейно и ритмически, легко убедится всякий непредубежденный читатель. Они найдут своих поклонников, они хорошо сделаны технически, но скучны, как бородатый чудака-альпинист с желтой гитарой в зале районной библиотеки.

Константин Гришин

Число книг Сергея Боженко перевалило за двадцать. Он вошел в литературу с рассказами во вкусе журнала «Юность» — юморесками о советских обывателях, но затем увлекся автобиографией. Сборники «Учителя жизни...» (2016), «Азбука дилетанта...» (2017), «Автобиографическое нечто...» (2017) и «След богемы...» (2018) автор позиционирует как документальные, мемуарные. Это галерея портретов барнаульских художников, архитекторов и писателей. Книги привлекли внимание городской интеллигенции и сделали мемуариста несколько одиозной фигурой. «Как можно рассказывать такие подробности о людях, которые еще живы, причем без их разрешения?» — удивлялись иные читатели, и не напрасно.

Критики справедливо упрекали Боженко в схематизме, бесконечной эксплуатации несложного приема повествования, который можно назвать «рука судьбы». Рассказывая о жизни современников, Сергей утрирует хронологический принцип, доводит его до абсурда. Очерки пародируют рассуждения биографов из серии «ЖЗЛ»:

AR

Значком отмечены книги, изданные в рамках краевого издательского конкурса

Сергей Боженко

**СЛЕД БОГЕМЫ,
ИЛИ ВОПРОСЫ
САМОМУ СЕБЕ**

Барнаул, 2018

«Это событие произошло на Герасима-грачевника, в год, когда были опубликованы запрещенные в Советском Союзе шедевры Андрея Платонова и Михаила Булгакова, Анны Ахматовой и Бориса Пастернака, Осипа Мандельштама и Владимира Набокова... Как тут не задуматься о предопределенности судьбы нашего героя!»

Вероятно, автор и сам верит в фатум. Порою его догадки бьют в цель, чаще они банальны, заурядны, предсказуемы. Главное, что пишется это со смешком, из постмодернистского озорства. Ирония, к несчастью, бывает утомительна. Человек, острящий вечерами напролет, рискует получить славу Петросяна.

Нельзя сказать, что Боженко этого не понимает. Посвятив жизнь собиранию курьезов, определив фундаментом писательского мастерства монтаж забавных диалогов из записной книжки, автор преображается, когда пишет об очень близких людях. Рассказ становится многоплановым, взгляд — стереоскопическим, серьезность и нежность звучат в голосе записного, профессионального паяца.

Составляя книгу «След богемы, или Вопросы самому себе», Боженко интервьюировал некоторых кандидатов из числа молодых писателей и художников. Он послал им анкету и почти дословно процитировал ответы персонажей. Речевая характеристика — основной прием мемуариста, позволяющий несколькими репликами обрисовать характер, уровень образования, философию и цели героя.

Боженко нельзя назвать въедливым биографом. Рассказывая об Иване Образцове, он не критически воспроизвел его сентиментальные новеллы — без сокращений, стилистической ретуши и железной мотивации прозаика. Многословный абзац о том, как Иван спас котенка, еще один — о размене крупной купюры поражают факультативностью, убивают композицию целого текста. Между тем, архитектор по образованию и художник по призванию, Боженко обладает абсолютным слухом на фразу. Пунктирно излагая биографию героя, монтируя анекдоты, моментальные снимки, парадоксальные диалоги, он добивается эффекта присутствия, правдоподобия и безусловного читательского доверия. Калейдоскоп ярких фрагментов пленяет, завораживает.

Его учителя Аверченко и Довлатов легализовали низкую самооценку рассказчика. Боженко не боится выставить своего протагониста, «Сергея Алексеича», недалеким, неуклюжим, порочным. Автобиографические штрихи, как набор шуток у профессионального лектора, идеально просчитаны, заготовлены. Условный «стриптиз», хохмы уводят в сторону внимание «ревизора», препятствуют содержательной критике текста. В этой связи нельзя не отметить, что юмор — искусство тоталитарное, беспощадное. Он покоряет сердца, цементирует версию событий, предлагаемую рассказчиком. Более того, у талантливого юмориста в руках страшное оружие. Он авторитарен и деспотичен, подобно «бедняжке», «нищенке» Ахматовой и «бытописателю» Зоценко. Удалось же Анне Андреевне создать из своей жизни легенду, а «сказки» Зоценко стали учебным пособием, энциклопедией бытовой жизни 1920-х годов.

Автобиография Боженко — такая же хроника выдуманных событий, как жизнеописание Андрея Белого, Ахматовой и Зоценко. Шаржи, карикатуры, бешеное остроумие — и десятки ошибок, иногда вполне сознательных. Поэты Наталья Николенкова и Фарида Габдраупова возмущались: «Зачем С. Б. вставляет наши имена в бородатые анекдоты?» Он путает журналы «Культура Барнаула» и «Культура Алтайского края», приписывает героиням фольклорные фразы, а когда ловят на слове, нимало не смущается: «А это все равно...», «Все течет, все меняется...», «Я постмодернист, мне можно...» Иногда повествователь специально подчеркивает фикциональный характер своей прозы (см. книги «Враки доверчивых», «Вдохновение лжеца») и посвящает рефлексии на соответствующие темы отдельные рассказы («Дважды два, или Кому умирать лжецом»).

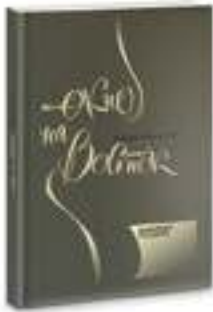
Резюме: последние двадцать лет Сергей Боженко упорно занимается клонированием собственных книг. Они построены по одному плану, носят похожие названия. Миниатюры, фрагменты, очерки, рассказы кочуют из сборника в сборник. Художник уже написал многотомную «Человеческую комедию» и теперь добавляет на холст отдельные мазки и пиксели. Писатель уровня Михаила Задорнова, Боженко радуется музыкальным строением фразы. Лучшие его книги — мемуары о скульпторе Рублеве, тексты о политике и о детях, а большинство очерков о людях искусства разочаруют вдумчивого читателя скупостью собственно биографического материала. Сергей Алексеевич всю жизнь пишет одну книгу. Его служба в структурах муниципальной власти не способствует откровенности, но верится: однажды автор отбросит маски и скажет пронзительное и точное слово, забыв мишуру безобидных эпиграмм.

Фарида Габдраупова

ОКНО НА ВОСТОК

Барнаул,
2018

AF

Поверхностный читатель, столкнувшись с книгой Фарида, наверняка скажет, что она — неисправимый романтик. Слишком много пафоса, декламации, цветистый словарь, стремление бежать «на берега пустынных волн», неприятие мира, жалобы на одиночество, театральные реквизиты, шуты, мимы, клоуны, арлекинад масок из комедии dell'arte, оды любимому человеку, двоимирие, конфликт мечты и реальности — это бросается в глаза сразу.

*...Я — весна. Я скоро умру.
Не быть голове моей белою.
И потому, потому, потому
Люблю — это всё, что я делаю!*

«Меня вот много что интересует в жизни, но я пишу в основном про чувства и красоту. Это единственное, что больше некуда деть, кроме искусства, — рассказывала в интервью сетевому изданию Фарида. — А вот социальные проблемы лучше решать практически, чем писать про них. Или лучше стать журналистом, чем писателем. Журналистов хоть кто-то читает и слышит. А что толку писать про плохую нашу жизнь литератору, словно и так не ясно. А еще лучше пробиться в политики и там шороху навести с высокой колокольни вечных истин. Я много что вижу в жизни уродливого, но то ли у меня одной глаза есть? Писать про это не буду. Меня смех раздражает. Ожил бы Гоголь, тоже б посмеялся. Он был мужчина, не обремененный семьей, ему сам бог велел про Россию думать, а я — женщина, меня волнует моя собственная быстро проходящая жизнь».

Такой подход как будто должен стихи обеднять и вести к мелочному интимизму. «Женское, слишком женское, девичье, институтское...» — припечатает автора шовинист и найдет подходящие цитаты. Это правда, но не вся правда. Слишком часто Фарида пафосной декламацией поднимает собеседника в заоблачные выси, чтобы ловко спихнуть его с облака в лужу и заливиисто хохотать. Ее особый шик — снижение, эффект обманутого ожидания, стремление окончить экспрессивный, яркий, пафосный текст нарочито прозаической деталью.

*Я, влюблённая, стояла под балконом,
Взгляд и нервы напряжены.
На балконе развевались панталоны
Толстой тётки. Его жены.*

.....
*Тебе тесно от мрака коридоров,
Пред тобой расступаются стены.
А мне бы —
Надо уйти на край вселенной,
Чтобы продлить счастье, —
Бежать тебе навстречу...
— Здравствуйте! — говорю я
И прохожу мимо.*

.....
*Мужчина в космос улетел.
Как много у мужчины дел!
А женщина осталась ждать
И сопли детям вытирать.*

Если Фарида и романтик, то не из тех, что витают в облаках и не замечают реальности. Напротив, она опытна, практична, прагматична и прекрасно разбирается в бытовых вопросах, своего не упустит.

*Аэропорт для меня как церковь.
Расписание рейсов учу как молитву.
Цветные купюры без счёта жертвую...*

Романтическая ирония, на манер Гофмана и Гоголя, пронизывает большинство текстов книги «Окно на Восток». Влияние современных стихотворцев, хмурой стихопрозы из поэтического раздела «Нового мира» и «Знамени», совершенно не затронуло Фарида. Чудится, что последнее, что она читала из поэтических новинок, — ее любимые авторы Александр Блок и Велимир Хлебников. Как и самозванный председатель земного шара, поэтесса расщепила слово, как зерно, на дольки. Она слушает ритм, как слушают рост зерна.

*Я держу в зубах это слово, завязываю на узел язык,
От себя самой его прячу,
Я знаю его смысловые высоты и неизбежные его низы,
И что оно для меня значит.*

Именно поэтому ей сходят с рук многочисленные нарушения регулярного силлабо-тонического ритма. В контексте стихотворения они всегда оправданны, удачны и несут смысловую нагрузку. Поэтесса получила филологическое образование, но умело прячет концы в воду — в текстах совсем нет прямых цитат и центона. Вернее, автор настолько богат, оригинален, самобытен, что не с руки пересмешничать. Собственная душа — неисчерпаемый источник эмоций и наблюдений. Ей, словно Шахерезаде, всегда есть что сказать.

*Стыдно писать: обычное самое детство.
Наголо брили меня, обзывали лысой башкой.
Печку топили зимой, чтобы сварить и согреться,
И за водой далеко ходили пешком.
А за дорогой, где я не была ни разу,
Чудился замок, в котором принцесса жила.
Там оказалась типичная маслосырбаза.
Я заходила туда по каким-то делам.*

Как русский романист XIX века, Габдраупова мастерски воссоздает в стихах объективную обстановку, чтобы пробудить в читателе нужную эмоцию.

*В перерывах меж главным и главным
Я была для него забавной.
...Как могла — угождала и льстила.
А вот слёз моих — не простили он!*

.....

*Я уходила под утро, рано.
Я собиралась бесшумно и быстро.
Я знала, что мы никогда не поженимся.
Я уносила с собою блаженство,
Сердечную рану
И пустую канистру.*

Интересны психологические механизмы, которыми пользуется лирическая героиня. Чаще всего она воспеваает мужчину, как трубадур, в стилистике «Песни песней» царя Соломона, идеализирует его либо с уморительной иронией и наблюдательностью обесценивает (довольно редко). Автор, или его проекция, и есть тот самый странствующий рыцарь, миннезингер, поющий под окном серенады. Это очень интересный излом — любить Фариде важнее, чем принимать любовь. Самоотречение, искренность — мотив, который пленяет читателя и властно удерживает его внимание в эпоху всеобщего бесцветного бормотания, цинизма и ерничества.

«Окно на Восток» — это избранное поэта, пятая стихотворная книга. С одной стороны, Фариде верна себе: ранние сборники «Сердце» (1994), «Слезы Коломбины, или Орфография Любви» (2001), «Актриса с дудочкой в дожде» (2007) также включали стихи разных лет. Автор не боялся перепечатывать свои хиты. Когда составителями книг выступали Михаил Гундарин и Виталий Коньшин, они хитрили и старались втиснуть в книгу как можно больше проверенных временем текстов. Говоря на редакторском канцелярите, «...не все тексты автора равноценны». Удачи, как Монблан и Эльбрус, завораживают, сверкают, поражают величием. Тем удивительнее у Габдрауповой чудовищные провалы вкуса. Фариде — большой талант, но вкус ей изменяет чаще, чем посредственным, среднестатистическим, старательным коллегам.

*Нет ни рук у меня, ни кожи.
Я застыну в свободе пыла,
И разрушить никто не сможет
То, чем я тебя так любила.*

Отдельные стихотворения, словно бриллиантом, выписаны, другие — мучительны и корявы, как сон, предвещающий ОРЗ. Привычку писать самые обычные слова с большой буквы высмеяли уже сто лет назад, но Фариде, как гимназистка, уважительно выводит: Луна, Черный Клоун, Восток, Лебедь, Муза, Человек...

В стихотворении, открывающем книгу, она путает понятия «невежа» и «невежда», питает странное пристрастие к неловким оборотам и грамматическим ошибкам: «Тогда за что же се пренебреженье», «...Которые особее меня», «Жаркие слёзы в чашки текутся...», «И игралась в воде Сарасвати», «Смоги!», «помудрела», «внучик» и т. п.

Составляя «Окно на Восток», Фариде, похоже, хитрила сама: внимательно изучила и выбрала тексты, уже одобренные прежними редакторами. Это срез тридцатилетнего творческого пути. Ранние тексты написаны в середине восьмидесятых годов XX века, наиболее поздние — в наши дни. Говорить о формальной эволюции автора не приходится. Да, она виртуозно владеет русской силлабо-тоникой и так же виртуозно, умно, удачливо нарушает ее правила. Пользуется десятком-другим стихотворных размеров, пишет белые стихи, верлибры. Однако размеры эти из года в год одни и те же. Например, белый пятистопный и шестистопный ямб без рифм, семантический ореол которого для нас недвусмысленно указывает на театр, отсылает к драмам Шекспира в переводе Пастернака. И это увлечение театром — неспроста. Фариде разделяет мысли классика: «Весь мир театр, и люди в нем актеры». «Окно на Восток» — лишь малая часть написанного Габдрауповой. Она сказала достаточно, но по-прежнему хочется ждать новые книги, новые стихи. Ждать так, как мы ждем новогодний фейерверк. С детским восторгом, обожанием и всепрощением.

Константин Гришин

Константин Гришин

ПО ВСЕМУ ТРАНССИБУ

Барнаул,
2018

Стихи Гришина номинативны. Проще говоря, в них ничего не происходит. Мало даже глаголов. Нам дается несколько картинок, или называющих нечто, или рассказывающих об уже прошедшем действии и его результате. Очевидно, поэтому стихотворения невелики и по объему — две строфы, как правило. Достаточно, чтобы что-то назвать, что-то показать — и вовремя уйти от обобщений, трагедий и пафоса.

Главная оригинальность поэзии такого рода — в содержании. В тех картинках, которые нам демонстрируются. Они, как правило, трех видов: образы мировой поп-культуры (от Шерлока Холмса до сериалов плюс самые известные и тоже «попсовые» бренды), барнаульские реалии (самое оригинальное, что есть здесь) и, наконец, соединяющий все это в себе образ героини. Она еще достаточно молода, грустит в провинции и мечтает уехать. Как правило — в Питер.

*Беспечальное поколение сейчас в KFC,
В два часа ночи хвостатая очередь в «Дядя Дёнер»,
И единственный, кто тебя понимает, — беззубый таксист,
Не слышавший о моцарелле и маскарпоне.*

Или вот это:

*Девочка покупает журнал «Psychologies»,
Чтобы стать продвинутой, хитрой и умной.
Книги в оранжевой обложке придают утончённый лоск.
Очки без диоптрий — над ними тайно потешается мама.
Пустые баночки, плакаты любимых звёзд.
Первый шаг нужно сделать самой, хотя это и против правил,
О нравственной тупости мужчин говорил ещё апостол Павел,
Завтра астролог, небесная кардиограмма,
Любимый Шерлок и нестареющий Lost.*

Есть, впрочем, в этой книге и другая героиня,носящая черты, скорее, роковой женщины, нежели провинциальной хипстерши. Есть и герой, который не устает признаваться в своей слабости и бессилии что-либо изменить и тоже мечтает о побеге, но делает это робко и как бы не всерьёз...

Узнаваемы ли эти герои, составляют ли типы провинциального города? Безусловно. И такая типизация, конечно, одна из главных заслуг автора.

Гришин старательно локализует, привязывает все сказанное к реалиям конкретного города. Возможно, стараясь найти опору в некоем «реализме». Но, конечно, реализм тут тоже картинный, сентиментальный и слабенький (ибо ландшафт остается за пределами географии, он — беспокойная душа рассказчика). От этого барнаульские топонимы выглядят довольно неожиданно и лихо. Что, в общем, даже интересно и оригинально (вопрос, могут ли барнаульские реалии, в случае необходимости, быть в одно касание изменены на новосибирские или красноярские, оставим открытым). Под несколько другим углом вся книга может быть рассмотрена как гимн Барнаулу.

*Ты живёшь в Барнауле, слушаешь «Алоэверу»,
Дискуссии шестидесятых — актуальны, близки.
А в литературных кружках семидесятилетние легионеры
Рифмуют берёзки и колоски.*

Или:

*Красноармейский проспект. Мы, торопясь,
Пересекаем рельсы. Всегда бесила
Перспектива упасть. Безобидно бранясь,
Закуриваешь сигарету, зная, как ты красива.*

Или:

*Мы поедem с тобою в Лебяжку,
И на Южный, а после — в Гоньбу.
Как сверкает натёртая пряжка,
Заостряя твою худобу!
Мы поедem с тобою в Заимку,
И во Власиху, и на Поток.
Ты миньона, дичок, невидимка,
Ты ямайский багряный цветок.*

Коль скоро по-настоящему в стихах ничего не происходит, кроме смены статичных картинок, перед нами искусство скорее пространственное, нежели временное. А значит, гришинские миниатюры могут и должны быть воспроизведены графически. На барнаульских открытках или сувенирах, например. Как продаются городские пейзажи заезжим визитерам, так будут продаваться и эти миниатюры, или виньетки.

А гости города будут знать: есть в Барнауле такой поэт; вообще, живут в Сибири такие нежные, пусть и слегка кукольные, персонажи.

Иван Кириллов

Ольга Такмакова

ГДЕ ЗИМУЕТ СТРЕКОЗА?

Барнаул,
2018

Литераторам разного возраста, опыта и таланта кажется, что писать для детей — занятие занимательное и не очень сложное. Стоит заглянуть на сайт «Стихи.ру», чтобы убедиться: тысячи людей пасуют перед взрослой аудиторией, но для дошкольников сочиняют много и охотно. Для вида они рассуждают о сложности ремесла, о том, как трудно постичь психологию ребенка и угодить ему, но в глубине души считают иначе. В самом деле — зачем тогда городить огород? Писали бы взрослые тексты, занимались самовыражением! Что может быть для писателя важнее, чем зафиксировать индивидуальное восприятие мира, для поэта — без ретуши и цензуры воссоздать собственную личность? Детские стихи пишутся путем отказа от этих ценностей. Амбивалентность, противоречия, парадоксы, подтекст, многоплановость, прозрения, мистика, мизантропия им противопоказаны. И наоборот: важен внятный сюжет, дидактика, занимательная словесная вязь, яркая фонетическая, лексическая инструментовка. Дело в том, что, читая, ребенок общается с миром, взрослый — с другим взрослым и его нелинейным духовным опытом.

Стихотворения Ольги Такмаковой обладают многими качествами удачных детских текстов. Иногда они не лишены иронии и скрытого сарказма.

КОШКИНЫ ДУМКИ

*...Вон выбежал пудель из дома напротив,
Он вывел хозяйку свою погулять
И, если удастся, в грязи извалять.
А я — за стеклом.
Я нисколько не против.*

ДИЕТА

*Мамина подружка, тётя Света,
говорит, что сядет на диету.
Но у нас диеты в доме нет,
только стул, диван и табурет...
Если тётя Света хочет в гости,
то диету пусть с собой приносит.*

«Где зимует стрекоза?» — издание необычное. Такмакова собрала наиболее частотные, по ее мнению, детские вопросы и переработала их в сюжетные стихи. Авторские произведения сопровождают ответы:

прозаические выдержки из учебников. Их стиль и поэтический аппарат адаптирован для дошкольников. Вольно или нет, сознательно или случайно, но произведения поэта из Рубцовска вписаны в российскую литературную традицию, пропитаны аллюзиями на коллег.

*А дети кричали, увидев в окошко:
— Смотрите! Смотрите! Летучая Кошка!*

*Притихли на крыше летучие мыши,
а Кошка взлетала всё выше и выше...*

(Такмакова)

*...А кошка отчасти идёт по дороге,
Отчасти по воздуху плавно летит!*

(Даниил Хармс)

*Я видел: в таинственный облачный край
По небу летел белоснежный трамвай!*

(Такмакова)

*Шел я по улице незнакомой
И вдруг услышал вороний грай,
И звоны лютни, и дальние граммы:
Передо мною летел трамвай.*

(Николай Гумилёв)

Издание, помимо «вопросника», включает независимые от общей концепции стихи. Они воспроизводят типичные ситуации из жизни маленького человека и могут восприниматься как каталог, энциклопедия детского бытия. Благодаря удачным иллюстрациям художницы Ольги Матушкиной (Московки), книга выглядит эффектно. Она порадует и ребят, и родителей.

Константин Гришин

Виктор Бычков

**СЛАВКА
ИЗ 9«А»**

Барнаул,
2018

Виктор Бычков — опытный детский писатель. В библиографической справке на сайте администрации Алтайского края сказано, что он выпустил 17 книг для детей и подростков. Настоящее издание состоит из двух текстов — «Славка из 9"А"» и «Рассказы о Лёшке и его друге Кольке». Они разительно отличаются друг от друга — стилистически и сюжетно, хотя преследуют традиционную цель: сеять разумное, доброе, вечное, воспитывать у юного читателя понятия о моральных нормах, учить взаимовыручке, деликатности и доброте. Нелепо упрекать детскую литературу в назидательности и дидактичности. Гораздо важнее понять, насколько искусно писатель подбирает иллюстративный материал для уроков этики, как работает с языком и сюжетом. Рассказ, открывающий книгу, описывает эпоху

YouTube и адресован старшим школьникам. Его герой Славка, инвалид по зрению, переходит из коррекционной школы в обычную, одноклассники принимают мальчика в штыки и травят. Затем он ухаживает за смертельно больной девочкой и, тем самым, завоевывает симпатии новых знакомцев. Сама по себе эта история правдоподобна и напоминает поздние романы Альберта Лиханова и Владислава Крапивина. Автор инкрустирует в текст приметы времени, протагонист высказывается на злобу дня, рассказывает о вещах, табуированных в детской литературе СССР. Славка, он же повествователь, совершенно не похож на современного девятиклассника, рассудителен, как старичок, и почему-то изъясняется на языке председателя районо, или, на худой конец, провинциального журналиста.

Второе произведение в книге гораздо удачнее, потому что Бычков описывает, похоже, собственное деревенское детство. Мальчики Лёшка и Колька, семи лет, живут в послевоенной белорусской деревне. Девять глав этого внушительного по объёму рассказа напоминают средней руки повесть, а по существу — настоящий роман воспитания. Он написан от третьего лица, но с точки зрения младшего школьника, для которого жизнь полна загадок, нелепиц, противоречий, несправедливости и внезапных чудес. Замечательно, что герои меняются и взрослеют, путем набивания шишек получают выстраданный опыт общения, взрослого труда в колхозе, постижения людских характеров. Добрую половину разговоров взрослых — о партизанах, недавней войне и трудной жизни в 1950-е — может понять только взрослый читатель:

«Мальчик слышал, как женщины говорили, что тетя Варя — еврейка. Надо будет спросить у мамы, кто такие евреи? Простой раз мама рассказывала, как она прятала тетю Варю у себя в подполе, в картошке. Тогда была облава и немцы искали евреев. Пришли в дом, искали, искали и не нашли. Зато тогда же застрелили прямо вот на этой печке Лёшкиного дедушку Григория. Он прошел три войны и был очень смелым. Дедушка стал ругать немцев, что они пришли в чужой дом и устанавливают свои дурные порядки. И еще он им сказал: "Пошли вон из моей избы!" А с немцами был местный полицейский Антон Щербич и тот поспешил сообщить фашистам, что у дедушки Григория два сына и дочь в партизанах. Фашисты застрелили дедушку прямо на печке, потом вытащили на улицу и бросили посреди двора. Строго-настроено запретили подходить к нему. Трое суток бабушка и мама ходили рядом с телом дедушки и не могли его похоронить».

Колхозный быт воспроизведен в рассказе дотошно и внимательно, кистью очевидца. Например, бабушка главного героя получает пенсию в 7 рублей, скорее всего, пореформенных, но уже эта, ничего не говорящая ребенку деталь, абсолютно точно и определенно указывает на материальное и социальное положение семьи. Наконец семилетние школьники ведут себя и разговаривают характерно для своих лет. Автор написал глубокий и ненавязчивый текст, лишенный схематизма, стилистически убедительный. По своим живописным достоинствам он близок книге Виктора Астафьева «Последний поклон» о детях в красноярской деревне, с той разницей, что у Быčkova совсем нет астафьевской желчи. Что хотелось бы посоветовать автору? Не писать злободневных повестей о детях с айфонами в руке. В остальном он сложившийся художник и занимательный рассказчик. Взрослые найдут в произведениях Виктора Быčkova не меньше достоинств, чем дети. Как говорится, «...сказка — ложь, да в ней намек — добрым молодцам урок».

Константин Гришин ❧